

Ракурсы прочтения

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТУРГЕНЕВА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЕГО ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА

Дагне Бержайте

Вильнюсский университет

В статье рассматривается вопрос о «снижении реалистического мастерства» позднего творчества И. С. Тургенева, которое проявилось прежде всего в его последнем романе «Новь», о чем писали как современники писателя, так и исследователи его поэтического наследия в более позднее время. Автор статьи обращает внимание на присутствующие в «Нови» аллюзии из романов М. Л. Михайлова «Вместе» и Ф. М. Достоевского «Бесы», а также повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики». Необычное для Тургенева введение мотивов гоголевской повести о неминуемой смерти позволили ему приглушить идеологический характер последнего романа и усилить основную философскую идею, объединяющую все его творчество в единое целое.

Ключевые слова: Тургенев, «Отцы и дети», «Дым», «Новь», Достоевский, «Бесы», Гоголь, «Старосветские помещики».

Keywords: Turgenev, "Fathers and Sons", "Smoke", "Virgin Soil", Dostoevsky, "The Possessed", Gogol, "Old-world Landlords".

При перечитывании произведений И. С. Тургенева не можешь не чувствовать, что два его последних романа, особенно *Новь* (1876), отличаются от предшествующих и не только в плане их общественного звучания и значения. Нет, с этим в романах *Дым* (1867) и *Новь* как раз все в порядке. Куда уж более общественно значимо! Реестр или фиксация общественных идей России того времени, их актуализация в последних двух романах поднялась ровно настолько, насколько вообще, по сравнению с началом мрачных 1850-х, в 60–70 гг. в России усилилась громкость разговоров на общественные темы. Снижение мастерства, о котором писа-

ли как современники писателя, так и исследователи его творчества в XX в.¹, ощущается в нетипичной для Тургенева тенденциозности и в уменьшении субъективности, акварельности, только ему

¹ «Тургенев сослужил России всю службу, какую он мог сослужить ей. Почтим его за это душевною благодарностью, а из русских пророков он еще с *Дыма* вышел», – так в 1877 г., сразу после появления нового романа писал критик журнала *Голос* (цит. по: Буданова 1982). Через 80 лет исследователь творчества писателя И. Т. Трофимов в статье «Роман И. С. Тургенева *Новь* и общественно-литературная борьба 70-х годов», цитируя статью из БСЭ, констатировал: «В литературе о Тургеневе все еще бытует неправомерное утверждение о некоем спаде, о некоем снижении реализма Тургенева в последний период его жизни. “В двух последних романах Тургенева – *Дым* и *Новь* – сказалось снижение реалистического мастерства писателя»» (Трофимов 1959).

одному свойственной сдержанности, которая никогда не противоречила общественному пафосу его романов.

Роман *Дым*, по сравнению с романом *Новь*, выделяется большей символическостью² и подчеркнута развернутой, по-тургеневски ностальгически рассказанной историей неосуществленной любви, в которой, как в зеркале, отражается движение исторического времени. Особое значение приобретает последняя, совсем неожиданная, после многоточия следующая фраза романа: «Та девочка, которую поручили его [имеется в виду Потугина – Д.Б.] попечениям, недавно умерла» (Тургенев 1968, 170). Ведь о той безымянной девочке во всем романе упоминалось всего лишь вскользь: когда-то Ирина поручила Потугину позаботиться о чужой девочке-сиротке. Последняя фраза романа еще раз доказывает, что в тексте литературного произведения нет ничего случайного. Но из-за нее становится не совсем понятным, почему, как считают многие, Ф. М. Достоевский в знаменитом баденском споре так обиделся на Тургенева, приписав ему слова того же самого Потугина о том, что «... если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал, – наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила

бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – эти наши знаменитые продукты – не нами выдуманы» (Тургенев 1968, 86). Даже если Тургенев и на самом деле³ подтвердил, что придерживается той же точки зрения, что и его персонаж Потугин, как такой писатель, как Достоевский, еще в *Униженных и оскорбленных* (1861), а потом в *Преступлении и наказании* (1866) и вслед за *Дымом* написанном «Вечном муже» (1870) настойчиво вводивший мотив смерти девочки, так легко поверил словам литературного героя, который не сумел сберечь доверенного ему ребенка? Это только подтверждает, что в основе спора Достоевского с Тургеневым были другие, более приземленные причины⁴.

Это, наверно, и есть самое интересное в истории восприятия *Дыма*, особенно если учесть последствия конфликта между двумя писателями, который нашел продолжение в романе *Бесы* (1871–1872). Но об этом написано много, и среди всего этого материала не потеряла значения знаменитая книга Ю. А. Никольского *Тургенев и Достоевский (История одной вражды)* (1921).

Что касается романа *Новь*, то в нем тоже очевидно соприкосновение Тургенева и Достоевского. Но проблема,

² Ю. Манн считает, что «В *Дыме* и *Нови* символизм создается поверх тематической, временной или пространственной общности материала, всем комплексом ассоциаций, сближений и контрастов» (Манн 1987, 153).

³ Достоевский в письме А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. подчеркнул, что главная мысль романа Тургенева вложена как раз в уста Потугина. При пересказе Достоевский несколько упростил мысль Потугина, поэтому в письме она сформулирована более резко, чем в романе *Дым*: «Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве» (Достоевский 1996, 316).

⁴ Более подробно об этом конфликте можно прочитать в статье «Тургенев: карикатура и оригинал» (Ребель 2008).

которую можно сформулировать как «Достоевский в творческом сознании Тургенева», в исследовательской литературе все же встречается реже, чем, например, «Тургенев в творчестве Достоевского»⁵, так же как и вопрос, почему историки литературы больше склонны видеть Тургенева в роли зачинателя, а не продолжателя тем и мотивов русского романа XIX в. И если в романе *Новь* Тургенев не выводил Достоевского в качестве отдельного персонажа, то это вовсе не исключает факта, что автор *Нови* мог оказаться под воздействием психологической манеры автора *Бесов*⁶. Об этом свидетельствует, например, несколько раз встречающиеся в *Нови* исповеди-самохарактеристики действующих лиц или в письмах, или перед зеркалом, что также необычно для прежней тургеневской манеры, как и постоянные обращения к внутренним монологам героев⁷. До этого Тургенев,

⁵ Среди исследований на тему взаимодействия *Бесов* и *Нови* можно отметить статью А. И. Батюто «Идеи и образы: К проблеме «И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1870-е годы»; об этом вопросе также упоминает Г. А. Бялый в своей книге *Русский реализм от Тургенева к Чехову*.

⁶ О том, что Тургеневу было известно, каким его изобразили в *Бесах*, можно понять, например, по его письму к С. К. Брюлловой: «Жаль, что Вы не видели еще портретов Перова, некоторые (особенно Достоевского, того, что так аристофановски выводит меня в Бесах, в Русском вестнике) отличны» (Тургенев 1958, 446).

⁷ Несколько примеров из романа *Новь*: «О, как я проклинаю тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наследие моего аристократического отца! Какое право имел он втолкнуть меня в жизнь, снабдив меня органами, которые несвойственны среде...» (Тургенев 1968, 371); «Она сознавала некоторую долю правды в том, что она сейчас слышала. Но как же можно было так несправедливо судить о ней? «Неужели же я такая злая», – подумала она – и поглядела на себя в зеркало, находившееся прямо против нее между двумя окнами. Зеркало это отразило прелестное, несколько

как известно, все же был склонен придерживаться мнения, что «психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой» (Тургенев 1980). С одной стороны, обнаженный психологизм, с другой, «нервозность, надлом, быстрая смена психических состояний, резкий переход от оскорблений к отчаянной мольбе о прощении, что <...> чрезвычайно необычно для тургеневского романа» (Дроздова 2009, 29) – все это появляются в *Нови* явно не без влияния *Бесов* или любого другого произведения Достоевского. А образ Сипягина, авторское отношение к которому в романе меняется несколько раз, причем не всегда мотивированно, ближе к концу романа начинает вообще напоминать то либеральничавшего губернатора, подкаблучника фон Лембке, то Степана Трофимовича Верховенского. Автор *Нови*, словно хроникер в *Бесах*, вовсе не пытается скрыть иронического отношения к данному герою и иногда прибегает к характеристикам,

ко искаженное, с выступившими красными пятнами, но все-таки очаровательное лицо, чудесные, мягкие, бархатные глаза... “Я? Я злая? – подумала она опять... – С такими глазами?”. Но в это мгновение вошел ее супруг – и она снова закрыла платком лицо» (Тургенев 1968, 343); Оставшись один, Нежданов прошелся раза два взад и вперед какой-то особенной, шмыгающей походкой (он почему -то воображал, что мешане именно так ходят), понюхал осторожно свой собственный рукав, внутренность фуражки -- и поморщился; посмотрел на себя в маленькое зеркальце, прикрепленное на стене возле окна, и помотал головою: очень уж он был неказист. (“А впрочем, тем лучше”, – подумал он.) Потом он достал несколько брошюр, запихнул их себе в задний карман и произнес вполголоса: “Што ш... ребята... нефто... ничаво... потому шта”... “Кажется, похоже, – подумал он опять, – да и что за актерство! за меня мой наряд отвечает”» (Тургенев 1968, 361).

использованным в романе *Бесы*: «В Петербурге, – читаем у Тургенева, – в том самом, Петербурге, где тайный советник и камергер Сипягин готовился играть значительную роль, где его жена покровительствовала всем искусствам, давала музыкальные вечера и устраивала дешевые кухни...» (Тургенев 1968, 428); «... Сипягин появился на крыльце, в камлотовой шинели с круглым воротником. Таких шинелей никто уже давно не носил, за исключением одного очень сановного лица, которому Сипягин старался прислуживать и подражать. В важных, официальных случаях он потому и надевал подобную шинель» (Тургенев 1968, 399); «Борис Андреич не то что любил, а желал, чтобы другие думали, что он любит работать в карете, подобно Тьеру, во время путешествий» (Тургенев 1968, 401). Верховенский-старший, как помним, тоже любил **изображать себя читающим**, правда, другого француза – Токвиля, хотя на самом деле предпочитал ему несколько менее интеллектуального Поля де Кока.

«Памфлетная сторона» последнего романа Тургенева, по определению И. А. Анненкова, также могла возникнуть не без влияния *Бесов*. Не случайно Анненков в своих письмах настойчиво советовал Тургеневу отказаться от нее⁸. Но прав ли был критик, так активно вмешивавшийся в черновой автограф романа Тургенева, пусть и по просьбе последнего, – этот вопрос еще нуждается в дополнительном исследовании. Кто сейчас скажет, не нарушили ли Аннен-

⁸ О советах Анненкова и его влиянии на Тургенева в последние годы его жизни более подробно можно прочитать в *Комментариях к Нови*, составленных Н. Ф. Будановой (Буданова 1982).

ков, а потом еще и редактор *Вестника Европы* М. М. Стасюлевич своими добрыми советами, среди которых преобладают поправки, связанные с оценкой общественной ситуации и некоторые акценты, касающиеся характеристики героев⁹, общей гармонии романа, в отсутствии которой Тургенева уже будут упрекать другие его современники. Во всяком случае, если верить осторожным высказываниям Будановой, то финальные тенденциозные речи Паклина о том, что будущее России принадлежит таким, как Соломин, стали выглядеть позицией самого Тургенева только после того, как он учел пожелания Анненкова¹⁰.

Кажется, никто не обращал особого внимания и на то, что Тургенев в своем последнем романе пародирует («не с целью дискредитации оригинала, а для того, чтобы трансформировать художественный опыт прежнего в процессе создания нового произведения» [Сысоева 2013, 33-332]) разночинный

⁹ Это Анненков посоветовал Тургеневу сделать Маркелова «универсальным неудачником» (Буданова 1982). И в связи с этим авторское отношение к образу Маркелова в романе претерпело уже третье изменение – от романтической загадочности через злую иронию к «пустому вертопраху» и опять к сочувствию к донкихотской миссии горячего, несчастного юноши. Подобная трансформация персонажа несколько напоминает ситуацию, сложившуюся еще в 50-е гг., когда Тургенев под воздействием своих быстро меняющихся взглядов на деятелей русского западничества, вносил поправки в образ Рудина.

¹⁰ Буданова пишет: «Тургенев охотно согласился убрать из романа не понравившийся Анненкову текст [где Паклин выступал выразителем несимпатичных как для Тургенева, так и для Анненкова идей де Местра, отрицавшего необходимость для России просвещения. – Д. Б.], очевидно, опасаясь, что его могут понять превратно, тем более, что сформулированная Анненковым основная идея *Нови* <...> вполне соответствовала замыслу писателя» (Буданова 1982).

или, по-другому, нигилистический роман, распространившийся в России сразу после выхода романа Н. Г. Чернышевского *Что делать?* (1862–1863). И если последний считают реакцией на *Отцов и детей* Тургенева (Видуэцкая 1990, 40), то почему роман *Новь* нельзя видеть в качестве пародии, например, на неоконченный роман М. Л. Михайлова *Вместе?* Его автор прославился в конце 1850-х г., опубликовав на страницах *Современника* серию статей по женскому вопросу, которые вызвали целую полемику в тогдашней российской печати. В ней приняли участие М. Н. Катков, Н. Н. Страхов, Чернышевский, Достоевский¹¹ и другие деятели русского литературного процесса того времени. Тургенев не мог не читать всего этого. Через много лет в лице Марианны он вернется к вопросу женской эмансипации и впервые в своем творчестве изобразит девушку, которая «стригла свои русые густые волосы и смотрела букой. Но от всего ее существа веяло чем-то сильным и смелым, чем-то стремительным и страстным» (Тургенев 1968, 205). В романе Михайлова *Вместе*, написанном в заключении¹², пропагандируется тема единства любви и революционной службы. И слова Марианны из *Нови* «Мы уйдем вместе. Нам надо будет работать вместе...» (Тургенев 1968, 313) явно отсылают к размышлениям Наташи из романа Михайлова: «... и работать им [мужчинам и женщинам – Д.Б.]

¹¹ Как известно, реакция Достоевского на «женский вопрос» получила развитие в его статье «Ответ Русскому вестнику» (*Время* 1861, № 5).

¹² Михайлов был арестован в 1861 г. Точная дата написания автобиографического романа *Вместе* неизвестна, но четыре его части публиковались на страницах журнала *Дело* в 1864 г. (Михайлов 2016).

вместе, и если уж нельзя иначе, так и гибнуть вместе» (цит. по: Видуэцкая 1990, 69). А финал первой части *Нови* («Они пошли вместе домой, задумчивые, счастливые; молодая трава ластилась под их ногами, молодая листва шумела кругом...») по своему пафосу мало отличается от михайловского описания любви, в которой «зрела <...> и сила деятельности, сила дела» (цит. по: Видуэцкая 1990, 69).

В *Нови* имеются и другие аллюзивные адреса, связывающие этот роман с произведениями русской литературы. В нем пародийно, но одновременно и пророчески по отношению к судьбе главного героя упоминается пьеса А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» (1852), стихотворение Н. А. Дობролюбова «Пускай умру – печали много» (1861), приводится стихотворение «Сон», созданное Неждановым и отсылающее к одноименному романтическому стихотворению М. Ю. Лермонтова. Современники писателя, занятые обвинениями и упреками, **разносом**, по словам самого Тургенева, его последнего романа¹³, убежденные, что Тургенев давно утратил былые прочные связи с русской жизнью (Буданова 1982, 521), прошли мимо, возможно, самого главного – его диалога с русской литературой. Лишь в одном тогдашнем критическом выступлении по поводу романа *Новь* упоминалось, что «в ней – [*Нови* – Д. Б.] чудесная тургеневская теплота идет рука об руку с чисто гоголевским

¹³ Подробно о восприятии романа *Новь* современниками можно прочесть как в *Комментариях* к роману, составленных Будановой, так и в статье В. А. Лукиной «*Новь* в зеркале русской критики: Тургенев – читатель первых откликов на роман» (Лукина 2014).

комизмом» (цит. по Лукиной 2014). И хотя по-гоголевски комических описаний, замедляющих развитие романного действия, в *Нови* предостаточно¹⁴, все же в третьем номере юмористического журнала *Стрекоза* (1877) был опубликован именно фрагмент про Фимушку и Фомушку.

Описание истории жизни Фимушки и Фомушки Субочевых, их времени, которое, «казалось, остановилось на них» (Тургенев 1968, 278), можно отнести к самым загадочным страницам последнего тургеневского романа. Полное взаимопонимание героев, нежная любовь и привязанность друг к другу, акцент на их идиллическом быте (несколько раз мелькающие физиологические детали, перечисление, например, всяческих кушаний, «рецептов от желудка, спазмов и – увы! – даже от глистов» [Тургенев 1968, 282]), соответствующий иронический и одновременно умильный стиль повествования, промелькнувшее имя Н. В. Гоголя, а также следующее

¹⁴ К парафразам гоголевской манеры письма можно отнести, например, следующий эпизод: «Губернатор города С... принадлежал к числу добродушных, беззаботных, светских генералов – генералов, одаренных удивительно вымытым белым телом и почти такой же чистой душой, генералов породистых, хорошо воспитанных и, так сказать, крупчатых, которые, никогда не готовившись быть “пастырями народов”, выказывают, однако, весьма изрядные администраторские способности и, мало работая, постоянно вздыхая о Петербурге и вполчас за хорошенькими провинциальными дамами, приносят несомненную пользу губернии и оставляют о себе хорошую память. Он только что поднялся с постели и, сидя в шелковом шлафроке и ночной рубашке нараспашку перед туалетным зеркалом, вытирал себе одеколоном с водою лицо и шею, с которой предварительно снял целую коллекцию образков и ладанок, – когда ему доложили о приезде Сипягина и Калломейцева по важному и спешному делу» (Тургенев 1968, 404).

сразу после главы про Фимушку и Фомушку упоминание про «передового человека двадцатого века Голушкина» (Тургенев 1968, 291) (повесть Гоголя «Старосветские помещики» заканчивается рассуждением о «страшном реформаторе», знающем цену «одного рубля») – все это, безусловно, отсылает к «Старосветским помещикам».

Ответить на вопрос, зачем Тургеневу именно в его последнем романе понадобилась аллюзия на Гоголя, кажется, еще никто особо не стремился. А ведь Тургенев, как считает Буданова, над этим фрагментом романа работал долго и упорно: «В процессе работы над главой о Фомушке и Фимушке были вставлены большие куски текста с ироническим описанием провинциального альбома, картины, изображающей Фомушку в виде охотника, и др.» (Буданова 1982, 495). Г. Б. Курляндская, писавшая о гоголевских аллюзиях в творчестве Тургенева, в книге *И. С. Тургенев и русская литература* эпизод про Фимушку и Фомушку вообще опустила и ограничилась общими рассуждениями о литературных связях Тургенева с Гоголем как отцом определенного направления русской литературы, рассказом об объединяющей писателей любви к России и их ненависти к крепостничеству, о новой, нетипичной для Тургенева, комической манере письма, переходящей в сатирическую в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина и т.д.

Объяснить тургеневское обращение к «Старосветским помещикам» как еще одному способу разоблачения застывшей в XVIII в. крепостнической действительности покажется не только неубедительным, но и дискредитирует

автора *Нови* в глазах читателя: ведь с проблематизированием темы дворянских гнезд писатель покончил еще на рубеже 50–60-х гг. Да и объектом критики его последнего романа *Новь*, в основном, стали деятели уже нового, посткрепостнического, времени. И если при помощи введения гоголевской сатиры Тургенев хотел только еще раз разоблачить и осудить рецидивы прошлого, то почему именно этим смешным и беспомощным хранителям ветхой старины Фимушке и Фомушке он позволил еще в первой половине романа предсказывать судьбу главных героев романа?

В прояснении затемненного обычно и нужно искать истоки важнейших смыслов текста. Не на это ли намекал Тургенев, вложив в уста Марианны один из афоризмов (в последнем романе Тургенева немало сентенций, что, кстати, также не типично для его более раннего творчества): «только то и сильно в нас, что остается для нас самих полуподозренной тайной» (Тургенев 1968, 255). И если исходить из того, что тексты «только и могут быть прочитаны в свете систем, ведущих свое происхождение от других текстов» (Джоунс 1998, 43), то гоголевская повесть, жанровая и смысловая многозначность которой точно сформулирована в названии статьи Ю. Я. Барабаша «“Старосветские помещики” – идиллия? пародия? драма?», помогает нащупать и неоднозначный смысл последнего романа Тургенева, вписать это идеологически очень актуальное, пусть и полемически в свое время воспринятое произведение в общий философский план его творчества, в центре которого – тема всегда неожиданной, но непреодолимой смерти, о

которой и рассказывается в повести Гоголя «Старосветские помещики».

Как писал Ю. М. Лотман в статье «Сюжетное пространство русского романа XIX столетия», в произведениях Тургенева мотив возрождения заменяется мотивом абсолютного конца – смерти (Лотман 1988). И **старосветские помещики** Фимушка и Фомушка, даже три раза назвав Нежданова «жалким» (Тургенев 1968, 290-291), первыми в романе предсказывают сюжетно никак немотивированную смерть героя. Вспомним, что в повести Гоголя точно так же не мотивированно, как будто случайно, вводится мотив самоубийства какого-то несчастного любовника. Немотивированное обретает смысл только в общем философском плане осмысления тургеневского творчества. Именно это и имел в виду Лотман, когда, сопоставляя сюжеты Гоголя и Тургенева, писал:

Поскольку мифологический сюжет строится на неслучайности и осмысленности событий (смысл мифа именно в том, что хаотическую случайность эмпирической жизни он возводит к закономерной-осмысленной модели), романы и повести Тургенева в русской литературе XIX в. играли демифологизирующую, отрезвляющую роль.

(Лотман 1988)

Данная тургеневская стратегия так и осталась незамеченной современниками. Они не угадали «код Гоголя», позволивший Тургеневу, на которого со всех сторон давила необходимость так или иначе реагировать на борьбу нигилистов с антинигилистами, народников с радикалами, сохранить прежнюю идеологическую неоднозначность, сопутствующие ей сдержанность и лиризм,

вновь подняться над злобой дня и через гоголевский текст исполнить столь важную для него **песнь торжествующей любви**. Тургенев стал не только литературным **отцом** русского романа, каким его обычно привыкли видеть – без *Отцов и детей* вряд ли бы появился роман *Что делать?*, а без них, в свою очередь, не было бы «Записок из подполья» (1864) – своеобразного пролога к «великому пятикнижию» Достоевского. Эту линию можно было бы продолжить, включив сюда и западных последователей Тургенева. В своем последнем романе, в какой-то степени подытожив как собственный писательский опыт, так и опыт других литераторов, Тургенев доказал, что ему не была чужда и роль литературного **сына**, вечно возвращающегося к мудрости старших, уже знающих, что, например, предполагаемому совместному пути Марианны и Соломина суждено быть не только «постоянным» (как Фимушка определила самого Соломина), но и «прохладным» (Тургенев 1968, 290).

По сравнению с более ранними тургеневскими романами, мастерство *Нови* действительно проявилось по-другому. Для выражения главного в нем писатель

еще раз доказал, что рядом стоящие суеются и враждуют, так как тщетно еще на что-то надеются. А правду «вечно-го примирения и жизни бесконечной» (Тургенев 1968, 505) знают только ушедшие. И что смерть единственная «имеет очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недо-разумения – все смолкает перед самую обыкновенную могилу» (Тургенев 1869)¹⁵.

Старик Базаров пережил своего сына, Николай Петрович Кирсанов родил второго мальчика и продолжал играть на виолончели. А отец Нежданова почему-то заранее знал, что сына нужно «пустить “по эстетике”»; он [Нежданов – Д. Б.] явно, на виду у всех, занимался одними политическими и социальными вопросами, исповедовал самые крайние мнения (в нем они не были фразой!) – и втайне наслаждался искусством, поэзией, красотой во всех ее проявлениях...» (Тургенев 1968, 195).

¹⁵ Эти слова из собственного знаменитого выступления «Гоголь умер!» (1852) Тургенев опять повторил в статье «Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», написанной буквально перед началом работы над последним романом.

ЛИТЕРАТУРА

Барабаш, Ю. 2013. «Старосветские помещики» — идилия? пародия? драма? *Дом Гоголя. Мемориальный музей/ научная библиотека*. Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/1105/> [см. 12 09 2018].

Батюто, А. 1982. Идеи и образы: К проблеме «И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1870-е годы». *Русская литература* 1, 76-96.

Буданова, Н. Ф. 1982. И. С. Тургенев. *Новь. Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т.* Москва: Наука, Т. 9, 478-559. Режим доступа:

<https://rvb.ru/turgenev/02comm/0207.htm> [см. 01 09 2018].

Бялый, Г. 1990. *Русский реализм от Тургенева к Чехову*. С-Петербург: Советский писатель.

Видуэцкая, И. 1990. Писатели-демократы 1860-х – начала 1880-х годов и роман Чернышевского *Что делать?*. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. *Историко-функциональное исследование*. Москва: Наука, 37-78.

Джоунс, М. 1998. *Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализ-*

ма Достоевского. С-Петербург: Академический проект.

Достоевский, Ф. 1989. Письма. *Собр. соч. в 15 т.* С-Петербург: Наука. Т. 15.

Дроздова, А. 2009. Особенности художественного метода Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева в романах *Бесы* и *Новь* (к проблеме «Достоевский и Тургенев: творческий диалог»). *Вестник КГУ им. Н. Некрасова*. 4, 26-30. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-hudozhestvennogo-metoda-f-m-dostoevskogo-i-i-s-turgeneva-v-romanah-besy-i-novk-probleme-dostoevskiy-i-turgenev-tvorcheskiy> [см. 30 08 2018].

Курляндская, Г. 1980. *И. С. Тургенев и русская литература*. Москва: Просвещение.

Лотман, Ю. 1988. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. *Poetica*. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/lotman/gusspace.htm> [см. 11 09 2018].

Лукина, В. 2014. *Новь* в зеркале русской критики: Тургенев – читатель первых откликов на роман. *Тургеневский ежегодник 2013 года*, 21-32. Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=4CeHApNgMTs%3D&tabid=11243> [см. 05 09 2018].

Манн, Ю. 1987. *Диалектика художественного образа*. Москва: Советский писатель.

Михайлов, М. Л. 2016. М. Л. Михайлов: биографическая справка. *Lib.ru/Классика*. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_0010.shtml [см. 29 09 2018].

Мочульский, К. 1995. *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. Москва: Республика.

REFERENCES

Barabash, J. 2013. «Starosvetskiye pomeschiki» – idiliya? parodiya? drama? [“Old-world Landlords” – Idyll? Parody? Drama?]. *Dom Gogolia/Memorialny Muzei/ Nauchnaya Biblioteka Gogolya [House of Gogol. Museum/ Scientific Library of Gogol]*. Available at: <http://domgogolya.ru/science/researches/1105/>. Accessed: 12 September 2018.

Batiuto, A. 1982. Idei i obrazy: k probleme «I. Turgenev i F. Dostoevsky v 1870-e gody». [Ideas and Images: on the Problem of I. Turgenev and F. Dostoevsky in the Eighties of the 19th Century]. *Ruskaja Literatura [Russian Literature]*. 1, 76-96.

Bialy, G. 1990. *Russky realism ot Turgeneva k Chekhovu*. [Russian Realism from Turgenev to Chekhov]. St. Petersburg. Sovetsky Pisatel' Publ.

Никольский, Ю. 1921. *Тургенев и Достоевский: История одной вражды*. София: Российско-Болгарское издательство.

Ребель, Г. 2008. Тургенев: карикатура и оригинал. *Нева*. 8. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/10/re13.html> [см. 22 08 2018].

Сысоева, О. 2013. Литературная пародия: проблема жанра. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 5 (1), 331-332. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/literaturnaya-parodiya-problema-zhanna> [см. 25 08 2018].

Трофимов, И. 1959. Роман И. С. Тургенева *Новь* и общественно-литературная борьба 70-х годов. *Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей*. Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st015.shtml> [см. 12 09 2018].

Тургенев, И. 1869. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин). *Литература и жизнь*. Режим доступа: http://dugward.ru/library/gogol/turgenev_gogol.html [см. 30 08 2018].

Тургенев, И. 1958. Письма. *Собр. соч. в 12 т.* Москва: Изд-во художественной литературы. Т. 12.

Тургенев, И. 1968. Отцы и дети. *Собр. соч. в 6 т.* Москва: Правда. Т. 2.

Тургенев, И. 1968. Дым. *Собр. соч. в 6 т.* Москва: Правда. Т. 3.

Тургенев, И. 1968. *Новь*. *Собр. соч. в 6 т.* Москва: Правда. Т. 3.

Тургенев И. 1980. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста». *Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т.* Москва: Наука. Т. 4, 491-499. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1180.shtml [см. 04 09 2018].

Budanova, N. 1982. I. Turgenev. Nov'. [Turgenev. Virgin Soil]. *Turgenev, I. Poln. sobr. soch. v 30 t. [Full Collection of Works in 30 vol.]*. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9, 478-559. Available at: <https://rvb.ru/turgenev/02comm/0207.htm>. Accessed: 01 09 2018.

Dostoevsky, F. 1989. Pis'ma [Letters]. *Sobr. soch. v 15 t. [Collections of Works in 15 vol.]*. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 15.

Drozдова, A. 2009. Osobnosti chudozhestvennogo metoda F. Dostoevskogo i I. Turgeneva v romanach *Besy* i *Nov'* (k probleme «Dostoevsky i Turgenev: tvorcheskiy dialog»). [Peculiarities of Dostoevsky's Art Method in the Novel of Dostoevsky *The Possessed* and the Novel of Turgenev *Virgin Soil*]. *Vestnik KGU im. N. Nekrasova [Magazine*

- of Kostroma University named by N. Nekrasov]. 4, 26-30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-hudozhestvennogo-metoda-f-m-dostoevskogo-i-i-s-turgeneva-v-romana-h-besy-i-nov-k-probleme-dostoevskiy-i-turgenev-tvorcheskiy>. Accessed: 30 August 2018.
- Jones, M. 1998. *Dostoevsky posle Bakhtina. Issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo. [Dostoevsky after Bakhtin. Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism]*. St. Petersburg: Akademicheskyy proyekt Publ.
- Kurliandskaya, G. 1980. *I. S. Turgenev i russkaya literatūra. [I. Turgenev and Russian Literature]*. Moscow: Prosveshcheniye Publ.
- Lotman, J. 1988. Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [Subject Space of the Russian Novel of the 19th Century]. *Poetica*. Available at: <http://philologos.narod.ru/lotman/russpace.htm>. Accessed: 11 September 2018.
- Lukina, V. 2014. *Nov' v zerkale russkoj kritiki: Turgenev – chitatel' pervykh otklikov na roman. [Virgin Soil in the Reflection of Russian Criticism: Turgenev among the First Readers of the Novel]. Turgenevskiy ezhegodnik 2013 goda [Yearbook of Turgenev 2013]*, 21-32. Available at: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=4CeHApNgMTs%3D&tabid=11243>. Accessed: 05 September 2018.
- Mann, Y. 1987. *Dialektika chudozhestvennogo obraza. [Dialectic of the Image of Art]*. Moscow: Sovetsky Pisatel' Publ.
- Mikhailov, M. 2016. M. Mikhailov: biograficheskaya spravka [Mikhailov: biographical information]. Available at: [Lib.ru/Классика. http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_0010.shtml](http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_0010.shtml). 29 September 2018.
- Mochulsky, K. 1995. *Gogol'. Solovyev. Dostoevskiy*. Moscow: Respublika Publ.
- Nikolsky, Y. 1921. *Turgenev i Dostoevsky: Istoriya odnoy vrazhdy. [Turgenev and Dostoevsky: the Story of One Quarrel]*. Sofia: Rosiskoye-Bolgarskoye Publ.
- Rebel', G. 2008. Turgenev: karikatura i original [Turgenev: Caricature and Original]. *Znamia*. 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/10/re13.html>. Accessed: 22 August 2018.
- Sysoeva, O. 2013. Literaturnaya parodiya: problema zhanra. [Literary Travesty: a Problem of the Genre]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Lobachevskogo [Magazine of Nizhny Novgorod University named by N. Lobachevsky]*. 5 (1), 331-332. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/literaturnaya-parodiya-problema-zhanra>. Accessed: 25 August 2018.
- Trofimov, I. 1959. Roman I. S. Turgeneva *Nov' i obshchestvenno-literaturnaya bor'ba 70-ch godov [A Novel of I. Turgenev Virgin Soil and the Social and Literary Conflicts of the 1870s]. Tvorchestvo I. S. Turgeneva. Sbornik statey [Works of I. Turgenev. A Collection of Essays]*. Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st015.shtml>. Accessed: 12 September 2018.
- Turgenev, I. 1869. Gogol' (Zhykovskiy, Krylov, Lermontov, Zagoskin). *Literatura i zhizn' [Literature and Life]*. Available at: http://dugward.ru/library/gogol/turgenev_gogol.html. Accessed: 30 August 2018.
- Turgenev, I. 1958. Pis'ma. [Letters]. *Sobr. soch. v 12 t. [Collection of Works in 12 vol.]* Moscow: Izdatel'stvo Chudozhestvennoy Literatury Publ. Vol. 12.
- Turgenev, I. 1968. Otcy i deti. [Fathers and Sons]. *Sobr. soch. v 12 t. [Collection of Works in 12 vol.]*. Moscow: Pravda Publ. Vol. 2.
- Turgenev, I. 1968. Dym. [Smoke]. *Sobr. soch. v 12 t. [Collection of Works in 12 vol.]*. Moscow: Pravda Publ. Vol. 3.
- Turgenev, I. 1968. Nov'. [Virgin Soil]. *Sobr. soch. v 12 t. [Collection of Works in 12 vol.]*. Moscow: Pravda Publ. Vol. 3.
- Turgenev, I. 1980. Neskol'ko slov o novoy komedii g. Ostrovskogo «Bednaya nevesta». [Few Words on the New Comedy of Mr. Ostrovsky "The Poor Bride"]. *Turgenev, I. Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. [Full Collection of Works and Letters in 30 vol.]*. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4, 491-499. Available at: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_1180.shtml. Accessed: 04 September 2018.
- Viduyetskaya, I. 1990. Pisateli-demokraty 1860ch – nachala 1880ch godov i roman Chernyshevskovo «Chto delat'?!». [Writers-Democrats and "What is to be done?" by Chernyshevsky]. «Chto delat'?!» N. Chernyshevskogo i istoriko-funcional'noye issledovanie. ["What is to be done?" by N. Chernyshevsky and the Historical and Functional Study]. Moscow: Nauka Publ., 37-78.

REREADING TURGENEV: NOTES IN THE MARGINS OF HIS LAST NOVEL

Dagne Berzaitė

S u m m a r y

This article examines the late novels of the Russian writer I. Turgenev and some of the issues regarding the reception of these works. These issues, and our study of them, relate to an established opinion that his last novels – especially the *Virgin Soil* – demonstrate a clear “decline in realistic mastery.” The author points out that Turgenev has strengthened the ideological tendency of the last novel after he had received suggestions and comments by some of his contemporaries, mostly by the literary critic P. Annenkov. For this reason, the objective and lyrical manner of Turgenev’s style that was previously so typical of his earlier writings had almost disappeared. However, new elements emerged in the last novel,

among which it is possible to notice rather clear allusions to the works of other Russian writers. It is possible to distinguish at least three allusive addresses that are links to M. Mikhailov’s novel *Together*, F. Dostoyevsky’s *The Possessed* and N. Gogol’s story *Old-World Landlords*. In this article, it is concluded that the story by Gogol, which examines the mystery of death, can be understood as a particular code of the *Virgin Soil* and can aid in reading the work as a philosophical novel about eternal love and the inevitable end of life. Such a philosophical background erases all the ideological searches and disagreements of the contemporaries typical of any particular period in Russia’s history.

GRĮŽTANT PRIE TURGENEVO: PASTABOS PASKUTINIO ROMANO PARAŠTĖSE

Dagnė Beržaitė

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjami vėlyvieji rusų rašytojo Ivano Turgenevo romanai ir kai kurie jų recepcijos klausimai, susiję su dar rašytojo laikais įsitvirtinusia nuostata apie tai, jog juose, ypatingai *Naujajame bare*, jaučiamas akivaizdus „realistinio meistriškumo smukimas“. Straipsnio autorė atkreipia dėmesį, kad rašytojas, atsižvelgdamas į savo amžininkų, labiausiai kritiko P. Annenkovo, pastabas ir pasiūlymus, sustiprino ideologinį paskutinio romano tendencingumą. Dėl šios priežasties jame nebeliko ankstesniems tekstams būdingos objektyvios rašymo manieros bei lyriškumo. Tačiau kartu romane *Naujasis baras* atsirado nauji elementai, tarp kurių paste-

bimos gana aiškios kitų rusų rašytojų kūrybos aliuzijos. Straipsnio autorės nuomone *Naujajame bare* galima išskirti tris aliuzijų adresus: M. Michailovo romaną *Kartu*, F. Dostojevskio *Demonus* ir N. Gogolio apysaką „*Senųjų laikų dvarininkai*“. Straipsnyje daroma išvada, kad pastarasis tekstas, pasakojantis apie mirtį, tampa savotišku ir paslėptu romano kodu. Jį pasitelkus, „*Naująjį barą*“ galima perskaityti kaip filosofinį romaną apie amžiną meilę ir neišvengiamą gyvenimo pabaigą, kuri nustelbia visus jo amžininkų ieškojimus ir ideologinius nesutarimus, būdingus kiekvienam konkrečiam Rusijos istorijos periodui.

Получено: 2018, октябрь

Принято: 2018, октябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas
Baltijos kalbų ir kultūrų institutas
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: dagne.berzaitė@flf.vu.lt